

УДК [(811.161.1+811.581.11)'367] (045)

Цин Ван

Белорусский государственный университет

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ПОРЯДКА СЛОВ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ПРОСТОМ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Порядок слов в синтаксических конструкциях довольно часто может иметь неоднозначную трактовку как в практическом, так и в теоретическом аспекте – применительно ко многим языкам. Эта проблематика актуальна и для таких типологически разных языков, как русский и китайский языки. Особую остроту данная лингвистическая коллизия приобретает при изучении русского и китайского языков как иностранных. В русском и китайском языках порядок слов, обусловленный не только синтаксически, но и семантически, а также стилистически, является при этом важнейшим критерием соответствия структуры высказывания норме. В этой связи при исследовании закономерностей синтаксических структур в обоих языках особое внимание уделяется моделированию простого предложения, которое, действительно, во многом позволяет обеспечить синтаксическую корректность речи. В данной работе сопоставляется структурная специфика функциональности простого повествовательного предложения русского и китайского языков.

Ключевые слова: порядок слов, простое повествовательное предложение, деривация, синтаксический дериват, порядок синтаксических компонентов.

Qing Wang

Belarusian State University

WORD ORDERING FUNCTIONALITY IN RUSSIAN AND CHINESE SIMPLE DECLARATIVE SENTENCE

The word order in syntactic constructions often has an ambiguous interpretation in practical and theoretical aspects, applicable to many languages. This problem is also relevant for such typologically different languages as Russian and Chinese. This linguistic collision acquires particular special urgency when studying Russian and Chinese as foreign languages. In Russian and Chinese, word order is determined not only syntactically, but also semantically and stylistically, when it is the most important criterion for the conformity of the structure of statements norm. In this regard, when studying the laws of syntactic structures in both languages, special attention is paid to modeling a simple sentence, which greatly allows to provide syntactic correctness of speech. This paper compares the structural specificity of the functionality of simple narrative sentence in Russian and Chinese.

Key words: word order, simple declarative sentence, derivation, syntactic derivative, the order of the syntactic components.

Введение. Синтаксическая функция слова проявляется через его взаимодействие с другими словами в предложении. Для корректного и целесообразного построения высказывания соблюдение нормированного порядка слов имеет важное значение. Согласно общепринятым лингвистическим представлениям *порядок слов в простом предложении* – «типичное относительное расположение словоформ в их определённых функциях – подлежащего, сказуемого и т. п.» [1, с. 270]. Как известно, в большинстве языков доминирует прямой порядок слов, и отклонение от него рассматривается как в той или иной мере не соответствующая синтаксической норме реализация. Вместе с тем, как русский, так и китайский языки актуальны в данном аспекте ярко выраженной вариативностью и гибкостью нормы.

Основная часть. *Простое повествовательное предложение* – основная синтаксиче-

ская единица русского и китайского языков. Структурно *простое предложение* имеет грамматическую основу, т. е. подлежащее и сказуемое. *Повествовательное предложение* является типом предложения по функции, оно служит для передачи одной из основных форм мысли – суждения [1, с. 265]. Оно представляет собой наиболее распространённый тип предложения как в русском, так и в китайском языках.

Рассмотрим релевантную специфику *русского языка*. Русский язык характеризуется относительно свободным порядком слов, что расширяет возможности модификации грамматической структуры. Во многом этому способствует его преимущественно синтетический строй и развитая деривационная система. В связи с этим методологически потенциал свободы синтаксических преобразований в русском языке целесообразно рассматривать в деривационном аспекте. *Деривация* представляет собой

«процесс создания одних языковых единиц (derivатов) на базе других, исходных, в простейшем случае – путём «расширения» корня аффиксацией или словосложением. В связи с этим деривация иногда отождествляется со словообразованием» [2, с. 265]. Однако для преимущественно синтетического русского языка не менее важным является и словоизменительный аспект деривации. Деривационный процесс может быть направлен на использование знака в новом значении или новой функции [3, с. 107].

Кроме того, в работе «Общая лингвистика и вопросы французского языка» Ш. Балли описал возможность изменения грамматического значения языковой единицы с полным сохранением ее семантического значения. Он рассматривал словообразовательный процесс как транспозицию, и дифференцировал два типа транспозиции. Е. Курилович предложил различать *лексическую* и *синтаксическую деривацию*. **Лексическая деривация** предполагает, что «исходное и производное слова идентичны друг другу по первичной синтаксической функции» [4, с. 63], например: *долгошерстый* – с *длинной шерстью*. В отличие от лексической деривации **синтаксическая деривация** происходит при сохранении одного и того же лексического значения и направлена на изменение синтаксической функции единиц [4, с. 60–63], например, *ходить* – *ходьба*, *добрый* – *доброта*. Так или иначе, в лингвистической науке понятие «деривация» рассматривается как «образование новых языковых единиц (derivатов) от производящих языковых единиц (derivантов) при помощи словообразовательных или словоизменительных языковых средств» [3, с. 106].

В русском языке с помощью синтаксических derivатов изменение порядка слов в простом повествовательном предложении часто не ведёт к изменению последовательности синтаксических компонентов. «**Синтаксический derivат** – это форма с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией» [3, с. 61]. Иными словами, вместо того, чтобы изменять синтаксическую функцию с помощью порядка слов, можно использовать иную грамматическую форму той или иной лексемы. Так, если в предложении, например, *Городской совет депутатов города утвердил Положение о Почётном знаке-медали «За заслуги перед Старой Руссой»*¹, поменять местами словосочетания *городской совет депутатов города* и *Положение о Почётном знаке-медали «За заслуги перед Старой Руссой»*, то грамматическая форма гла-

гола *утвердить* в личной форме *утвердил* (действительный залог) меняется на форму страдательного залога *был утверждён* – средний род *было утверждено*: «*Положение о Почётном знаке-медали «За заслуги перед Старой Руссой» было утверждено городским советом депутатов города*».

Кроме того, в исходном предложении подлежащим является слово *совет*, дополнением – *положение*; а в производном предложении слово *положение* становится подлежащим, существительное *совет* в творительном падеже – дополнением. Несмотря на изменение синтаксической функции задействованных единиц, в обоих простых повествовательных предложениях синтаксические компоненты расположены в том же порядке: *подлежащее* + *сказуемое* + *дополнение*. Таким образом, в русском языке существительные характеризуются активными словоизменительными возможностями и развитой флективной системой. При этом изменение порядка слов в предложении зачастую не требует изменения внутренней структуры задействованных языковых единиц.

Обратимся теперь к специфике **китайского языка**. Китайский язык приобрел множество своеобразных черт в процессе своего формирования. В частности, «... с древних времен в китайском языке основными приемами выражения грамматического значения являются порядок слов и использование служебных слов» [5, с. 5]. Это свидетельствует о том, что в китайском языке порядок слов (синтаксических компонентов) обладает большей функциональностью.

Данная специфика, в свою очередь, связана с функциональностью самих структурных элементов высказывания в китайском языке. Если в русском языке основной единицей языка является *слово*, то в китайском языке значимость зависит не столько от лексической семантики, сколько от морфологической или морфемной семантики: типичной является ситуация, когда иероглиф сопоставим по значимости с *морфемой*, в частности, русского языка. При этом в китайской грамматике именно *语素* ('морфема') признаётся «минимальной значимой единицей языка, минимальным сочетанием звука и смысла и основным словообразовательным элементом» [6, с. 68]. Само же *词* ('слово') китайского языка, в свою очередь, считается «минимальной значимой единицей языка, которая может употребляться в языке самостоятельно» [7, с. 71] – и то лишь функционально, но не семантически. Такая дифференциация понятий *морфема* и *слово* обусловлена спецификой иероглифической семиотики.

Таким образом, в китайском языке большинство морфем являются вполне самостоя-

¹ Здесь пример из Национального корпуса русского языка.

точными в функциональном аспекте. Они делятся на *自由语素* ('свободные морфемы') и *粘着语素* ('связанные морфемы'). В данной связи **свободная морфема** может употребляться как обособленный в рамках синтаксической конструкции языковой знак, например:

他觉得她脸上仿佛比往常**黄瘦些**, 生怕她生了病。

Лицо жены показалось ему необычно **желтым и исхудалым**, он даже испугался: уж не заболела ли она?²

Здесь свободные морфемы *黄* и *瘦* выражают грамматические и лексически стабильную семантику: 'жёлтый' и 'исхудалый', соответственно. Таким образом, когда свободная морфема используется в синтаксической конструкции, её значимость как морфемы включается в значимость слова как более сложной единицы.

Связанная морфема китайского языка, в отличие от свободной морфемы, не может употребляться самостоятельно: она сама является составным компонентом слова, и используется только в сочетании с другими морфемами. Так, единица *子* в древних памятниках обладала значимостью 'потомок', равно как и способностью выражать вежливое обращение или упоминание. Однако, в современном китайском языке данная морфема является исключительно суффиксом имени существительного и счётного слова, или префиксом, добавляющим существительному значимость 'производный', 'вторичный', 'подчинённый' и др. [7, с. 645]. Например:

葡萄叶的花边似的**影子**落在我们身上, 我和老太婆就被它们像**网子**一样地笼罩着。

На нас упали кружевные **тени** от листьев, я и старуха накрылись ими, как **сетью**.

В данном контексте морфема *子* является суффиксом существительных: *影* ('тень') и *网* ('сеть').

При этом китайское слово может состоять из нескольких морфем, и в слове морфемы могут сочетаться в разном порядке. В такой языковой ситуации общая значимость слова зависит от последовательности составляющих его морфем, например:

母亲和**女儿**一样, 都留下一些欢乐的回忆在这个逐渐落入**静寂**中的公馆里。

И мать, и **дочь** оставили о себе приятное воспоминание в этом доме, постепенно погружавшемся в тишину.

儿女又不是父母的东西, 怎么就能够由父母任意处置? 父母的话, 说得不在理, 就不应当听。

² Здесь и далее примеры из Переводческого корпуса русского и китайского языков (решетчатая база данных). (俄汉翻译语料库检索系统).

Дети ведь не собственность родителей, как же можно ими так помыкать? Когда родители неправы, подчиняться им не следует.

В приведенном примере слова *女儿* ('дочь') и *儿女* ('дети') состоят из морфем *女* ('женщина') и *儿* ('ребёнок') в разном порядке. Их лексическое значение зависит от последовательности задействованных морфем. Так, если морфема *女* стоит в начале слова, то образуется нарицательное существительное *女儿* ('дочь'), в начале если стоит морфема *儿*, то это – собирательное существительное *儿女* ('дети').

Кроме того, в китайском языке отсутствует грамматическая категория склонения, поэтому порядок слов в предложении играет ключевую роль. Это особенно заметно при сопоставлении потенциала порядка слов в китайском и русском языках. Так, в «Теоретической грамматике китайского языка» русский (советский) исследователь В. И. Горелов пишет, что фиксированный *словопорядок* является одним из синтаксических средств, играющих важную роль в грамматическом строе китайского языка [8, с. 97]. Однако и по настоящее время существуют разные мнения относительно рамок регламентированности порядка слов в китайском языке. Одним из наиболее дискуссионных в данной связи является вопрос о терминах, соответствующих русскоязычному термину *порядок слов*: это может быть и *词序* (собственно, 'порядок слов') и *语序* ('порядок синтаксических компонентов'). По данной проблематике в китайской лингвистике существуют разные точки зрения и продолжается дискуссия.

Так, Ли Цзинси (黎锦熙), Чжао Юаньжэн (赵元任), Цзю Чэнси (曲承喜), Лю Юнцюань (刘涌泉) и другие уже в своих работах использовали только термин *词序* ('порядок слов') [например, 9]. При этом другие авторы, такие как Чжан Шилу (张世禄), Дай Хаои (戴浩一), Тан Тинчи (汤廷池) и другие уже предпочитали термин *语序* ('порядок синтаксических компонентов') [например, 10]. Таким образом, в «Словаре лингвистической науки Ван Ли» (王力语言学词典) под термином *词序* ('порядок слов') понимают лишь «грамматическую обусловленность использования тех или иных слов (и словосочетаний), что является важным синтаксическим инструментом в китайско-тибетских языках» [11, с. 106]. При этом *语序* ('порядок синтаксических компонентов') вообще не упоминается в данном источнике. При этом, однако, Ван Ли рассматривает достаточно подробно термин *词序* ('порядок слов').

С другой стороны, Ху Чжуанлинь (胡壮麟) оспаривает вышеупомянутый тезис в своей работе: он считает, что *词序* обозначает именно 'порядок слов', а *语序* обозначает 'порядок

синтаксических компонентов' [12, с. 53]. В его концепции оба рассматриваемых термина отличаются друг от друга: *词序* ('порядок слов') подразумевает и сематические, и синтаксические отношения в словосочетании и предложении, а *语序* ('порядок синтаксических компонентов') – подразумевает лишь синтаксические отношения. В «Большом китайско-русском словаре по русской графической системе» даны разные переводы данных терминов: *词序* переводится как 'порядок слов в предложении', а *语序* – как 'порядок слов' [13]. Как можно видеть, проблеме идентификации терминов *词序* ('порядок слов') и *语序* ('порядок синтаксических компонентов') было уделено достаточно много внимания в истории китайской лингвистики.

В современном китайском языке семантика синтаксических конструкций может изменяться в зависимости от *порядка* составляющих их единиц. Так, классическое словосочетание современного китайского языка состоит из *中心词* ('центральное слово') и *修饰词* ('определяющее слово'). При этом *центральным словом* называется главное слово в словосочетании, а *определяющим словом* – зависимое слово. В. И. Горелов считает, что «по центральному (стержневому) компоненту основную массу словосочетаний современного китайского языка можно подразделить на *субстантивные, адъективные и глагольные*» [8, с. 106]. В *субстантивном* словосочетании центральным словом является существительное, в *адъективном* – прилагательное, в *глагольном* – глагол. Например, в словосочетании *意外的包裹* ('неожиданная посылка') центральным словом является существительное *包裹* ('посылка'), что позволяет отнести данное словосочетание к субстантивному типу; в словосочетании *非常丰富* ('очень богатый') центральным словом является прилагательное *丰富* ('богатый'), что позволяет отнести данное словосочетание к адъективному типу; в словосочетании *正确填写* ('правильно заполнять') центральным словом является глагол *填写* ('заполнять'), что позволяет отнести данное словосочетание к глагольному типу.

При изменении порядка слов в словосочетании его тип изменяется, и тогда частеречная принадлежность составляющих его компонентов также изменяется. Рассмотрим словосочетания *模拟动作* ('имитировать движение') и *动作模拟* ('имитация движения'). В первом случае центральным словом является глагол *模拟* ('имитировать'), что позволяет отнести данное словосочетание к глагольному типу; во втором случае центральным словом является существительное *模拟* ('имитация'), что позволяет отнести данное словосочетание к субстантивному типу.

Важно, что в китайском языке в зависимости от порядка слов изменяется не только грамматическое значение слов в том или ином словосочетании, но также изменяются семантика соответствующего предложения и синтаксические функции его членов. Рассмотрим следующий контекст:

即使生得多, 也会给真的人除灭了, 同猎人打完狼子一样!

Сколько бы вас ни народилось, вас уничтожат настоящие люди, так, как уничтожают охотники волков.

Здесь, если в конструкции поменять местами существительные *猎人* ('охотники') и *狼子* ('волки'), (*同狼子打完猎人一样*), то новая конструкция уже будет означать 'как волки уничтожают охотников'. В данном случае семантика исходного предложения существенно модифицируется вследствие изменения порядка составляющих его слов. При этом в исходном предложении слово *猎人* ('охотники') является подлежащим, *狼子* ('волки') – дополнением; а в модифицированном предложении слово *狼子* ('волки') становится подлежащим, а существительное *猎人* ('охотники') – дополнением. Несмотря на изменение синтаксической функции задействованных единиц, в обоих предложениях синтаксические компоненты расположены в том же порядке: *подлежащее + сказуемое + дополнение*.

Как мы уже говорили, в русском языке синтаксическая деривация не изменяет семантику предложения и его метаструктуру, хотя синтаксическая функция задействованных единиц претерпевает существенные изменения. В китайском языке при аналогичной модификации происходит преобразование *主动句* ('предложение активного строя') в *被动句* ('предложение пассивного строя'). Построение, при котором подлежащее обозначает реальный субъект действия, а дополнение – реальный объект действия, называется *主动句* ('предложением активного строя') [14, с. 82]. В китайском предложении изменение порядка слов приводит к изменению семантики предложения и синтаксической функции единиц. Вместе с тем, для сохранения семантики предложения активного строя в китайском языке – при его модификации – используются специальные служебные слова, выражающие отношения, эквивалентные страдательному заложу в русском языке. С помощью таких служебных слов предложение активного строя может быть превращено в особую конструкцию с фиксированным порядком слов, так называемое *被动句* ('предложение пассивного строя'). Это позволяет провести параллель с русскоязычной грамматической моделью, и рассматривать модификацию дан-

ного типа в китайском языке также как синтаксическую деривацию 句法派生 (что пока крайне редко описывается в китайской лингвистике).

Одним из классических грамматических средств, использующихся в китайском языке для создания синтаксических конструкций пассивного типа, является иероглиф 被, выполняющий функцию служебного слова. Так, модификация вышеупомянутого примера с помощью иероглифа 被 будет выглядеть следующим образом: 同狼子被猎人打完一样 ('как волки были уничтожены охотниками'). Если в исходном предложении подлежащим является слово 猎人 ('охотники'), дополнением – 狼子 ('волки'), то в производном – слово 狼子 ('волки') становится подлежащим, существительное 猎人 ('охотники') – дополнением. Однако, несмотря на изменение синтаксической функции задействованных единиц, семантика исходного предложения сохраняется. Синтаксические компоненты в предложении пассивного строя оказываются расположены согласно следующей модели: подлежащее + служебное слово 被 + дополне-

ние + сказуемое. Таким образом, в контексте простого повествовательного предложения синтаксическая деривация в русском языке типичным образом реализуется посредством изменения формы глагола, а в китайском языке для этого используются служебные слова.

Заключение. В русском языке синтаксическая деривация изменяет функциональность языковых единиц, но не приводит к изменению семантики и метаструктуры предложения. Синтаксическая деривация распространена и в китайском языке. Кроме того, в грамматике китайского языка термины 词序 ('порядок слов') и 语序 ('порядок синтаксических компонентов') характеризуют иерархически разные уровни синтаксиса простого повествовательного предложения. Функциональность порядка слов в русском и китайском простом повествовательном предложении обладает своими особенностями. Однако релевантные языковые отношения и в русском, и в китайском языках могут быть описаны в аспекте формализации данных языков и их системного моделирования.

Литература

1. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
2. Баркович А. А. Модель развития языковых новаций в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации // Вестник ТОГУ. 2015. № 4 (39). С. 263–272.
3. Баркович А. А. Информационная лингвистика: Метаописания современной коммуникации: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 360 с.
4. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Очерки по лингвистике. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 57–70.
5. 李如龙. 论汉语的单音词 // 语文研究. 2009. 第2期. 1–7页. (Ли Жулун. О односложных словах китайского языка // Изучение филологии. 2009. № 2. С. 1–7).
6. Фан Сян. Морфема и слово в китайском языке и индоевропейских языках: сопоставительный анализ // Вестник БГУ. Сер. 4. 2016. № 3. С. 67–70.
7. 新华字典 – 北京: 商务印书馆, 2004. 692页. (Словарь иероглифов Синьхуа. Пекин: Коммерческое издательство, 2004. 692 с.).
8. Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностранный язык». М.: Просвещение, 1989. 318 с.
9. 黎锦熙. 新著国文语法. 北京, 1993. 336页. (Ли Цзинси. Новая грамматика национального языка. – Пекин, 1993. 336 с.).
10. 张世禄. 古代汉语教程. 上海, 2008. 487页. (Чжан Шилу. Учебная программа по древнему китайскому языку. Шанхай, 2008. 487 с.).
11. 王力语言学词典/ 冯春田主编. 山东教育出版社, 1997. 754页. (Словарь лингвистической науки Ван Ли / Фэн Чунтян [и др.]; под ред. Фэн Чунтяна. Издательство образования Шаньдун, 1997. 754 с.).
12. 胡壮麟. 语义功能与汉语的语序和词序 // 湖北大学学报. 1989. 第4期. С. 53–60 (Ху Чжуанлинь. Семантическая функция, порядок синтаксических компонентов и порядок слов китайского языка // Вестник Хубэйского университета. 1989. № 4. С. 53–60).
13. Большой китайско-русский словарь по русской графической системе. Около 250 000 слов и выражений: в 4 т. / И. М. Ошанин [и др.]; под ред. И. М. Ошанина. М.: Наука, 1983–1984. Т. 4.
14. Горелов В. И. Практическая грамматика китайского языка. М.: Внешторгиздат, 1957. 192 с.

References

1. Zherebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Linguistic vocabulary]. Nazran', Pilgrim Publ., 2010. 486 p.

2. Barkovich A. A. The Model of Linguistic Innovations Development in the Context of Computer-Aided Communication. *Vestnik TOSU* [Bulletin of Pacific National University], 2015, no. 4 (39), pp. 263–272 (In Russian).
3. Barkovich A. A. *Informatsionnaya lingvistika: Metaopisaniya sovremennoy kommunikatsii* [Informational linguistics: Meta-description of modern communication]. Moscow, FLINTA Publ., Science Publ., 2017. 360 p.
4. Kurilovich E. Derivation lexical and syntactic derivation. *Ocherki po lingvistike* [Essay on linguistics]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1962, pp. 57–70 (In Russian).
5. Li Rulong. On Monosyllabic Words in Chinese. *Philology study*, 2009, no. 2, pp. 1–7.
6. Fan Xiang. Morpheme and word in Chinese and Indo-european languages: a comparative analysis. *Vestnik BGU* [Bulletin of BSU], series 4, 2016, no. 3, pp. 67–70 (In Russian).
7. Dictionary of hieroglyphs Xinhua. Peking, Kommercheskoe izdatel'stvo Publ., 2004. 692 p.
8. Gorelov V. I. *Teoreticheskaya grammatika kitayskogo yazyka* [Theoretical grammar of the Chinese language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1989, 318 p.
9. Li Jingxi. New grammar of the national language. Peking, 1993. 336 p.
10. Zhang Shilu. The training program on ancient Chinese. Shanghai, 2008. 487 p.
11. Liang Chuntian, Feng Yuan, Yang Shuming. Dictionary of linguistic science Wang Li. Izdatel'stvo obrazovaniya Shandona Publ., 1997. 754 p.
12. Hu Zhuanlin. Semantic function, order of syntactic components and word order of Chinese. *Vestnik Hubei University*, 1989, no. 4, pp. 53–60 (In Chinese)
13. Panasyuk V. A., Sukhanov V. F. *Bol'shoy kitaysko-russkiy slovar' po russkoy graficheskoy sisteme. Okolo 250 000 slov i vyrazheniy* [The big Chinese-Russian dictionary on the Russian graphic system. About 250,000 words and expressions: in 4 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 1983–1984. Vol. 4.
14. Gorelov V. I. *Prakticheskaya grammatika kitayskogo yazyka* [Practical grammar of Chinese]. Moscow, Vneshtorgizdat Publ., 1957. 192 p.

Информация об авторе

Ван Цин – соискатель кафедры прикладной лингвистики. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, пр-т Независимости, 4, Республика Беларусь). E-mail: qing.wang@mail.ru

Information about the author

Wang Qing – applicant for PhD degree in Applied Linguistics. Belarusian State University (4, Independence Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: qing.wang@mail.ru

Поступила 15.01.2019